

Глава II

После завтрака, к которому друзья приступили в то время, когда простые смертные давно успели пообедать, Петроний погрузился в легкую дремоту. По его мнению, было еще слишком рано навещать знакомых. Правда, есть люди, которые начинают свои посещения чуть не с восхода солнца и даже считают это древним римским обычаем. Но он, Петроний, считает это варварством. Самое удобное время для посещений — после обеда, но, тем не менее, не раньше, чем солнце перейдет в сторону храма Зевса Капитолийского и искоса станет смотреть на Форум. Осенью в это время бывает еще жарко, и люди обыкновенно спят после еды.

Теперь приятно послушать плеск фонтана в атрии и, пройдя обязательную тысячу шагов, вздремнуть при красноватом свете, пробивающемся сквозь пурпурный навес.

Виниций согласился с Петронием, и они принялись ходить, беседуя довольно небрежно о том, что слышно на Палатинском холме в городе, и даже слегка философствуя. Потом Петроний отправился в кубикул, но спал недолго; через полчаса он вышел и, приказав принести вербены, стал ее нюхать и натирать руки и виски.

— Ты не поверишь, — говорил он, — как это оживляет и освежает. Ну, теперь я готов.

Носилки давно уже ждали их; они сели и приказали нести себя на *Vicus Patricus*¹, к дому Авла. Инсула Петрония находилась на южном склоне Палатинского холма, около так называемых «*Carinae*»; поэтому ближайший путь лежал несколько ниже Форума, но так как Петроний хотел еще зайти к золотых дел мастеру Идомену, то приказал нести их через улицу Аполлона и Форум, в сторону Злодейской улицы, на углу которой находились всевозможные лавки.

Рослые негры подняли носилки и двинулись в путь; впереди их шли рабы, которые назывались скороходами. По временам Петроний подносил к носу свои руки, пахнувшие вербеной, казалось, обдумывая что-то, и наконец сказал:

¹ Улица Патрициев (*лат.*).

— Мне пришло в голову, что если твоя лесная нимфа не рабыня, то она сама могла бы покинуть дом Плавциев и перейти к тебе. Ты бы окружил ее любовью и засыпал богатством, как я свою обожаемую Хризотемиду, которая, между нами будь сказано, надоела мне во всяком случае не меньше, чем я ей.

Марк покачал головой.

— Нет? — спросил Петроний. — В худшем случае дело дошло бы до цезаря, и тогда ты можешь быть уверен, что, хотя бы благодаря моему влиянию, наш Меднобородый был бы на твоей стороне.

— Ты не знаешь Лигии! — возразил Виниций.

— Позволь тебя спросить, знаешь ли ты ее иначе, чем по наружности? Говорил ли ты с ней? Признавался ей в любви?

— Я видел ее сначала у фонтана, а потом еще два раза встретил ее. Помню, что во время пребывания своего у Авла я помещался в боковой вилле, предназначенной для гостей, и так как у меня была разбитая рука, то я не мог являться к общему столу. И только накануне отъезда я встретил Лигию за ужином и не мог ей сказать ни слова. Я должен был слушать Авла и его рассказы о победах, которые он одержал в Британии, а потом об упадке мелкого землевладения в Италии, которому еще Лициний Сталон старался помешать. Вообще я не знаю, способен ли был говорить о чем-нибудь другом, и ты и не воображай, что тебе удастся этого избежать, разве если ты предпочтешь послушать о распущенности нынешних времен. У них там в курятнике есть фазаны, но они их не едят на том основании, что каждый съеденный фазан приближает конец римского могущества. Другой раз я встретил ее у садовой цистерны, — она погружала в воду кисть тростника и кропила ею ирисы, которые росли вокруг. И клянусь тебе щитом Геркулеса: колени мои не дрожали, когда тучи парфян с воем неслись на наши отряды, но тут они задрожали. И, смутившись, как мальчик, который еще носит буллу¹ на шее, я только глазами молил о жалости, но не мог произнести ни слова.

¹ Булла — амулет.

Петроний взглянул на него как бы с завистью.

— Счастливей! — сказал он. — Как бы жизнь и весь мир не были дурны, одно останется вечно прекрасным — это любовь!.. И ты не заговорил с ней? — прибавил он через несколько времени.

— Напротив. Придя немного в себя, я сказал, что возвращаюсь из Азии, что разбил себе руку под самым городом и нестерпимо страдал, но в ту минуту, когда мне приходится покидать этот гостеприимный дом, я вижу, что страдания в нем приятнее, чем наслаждения в каком-нибудь другом месте, и болезнь — лучше здоровья. Она слушала меня тоже смущенная и опустив голову и тростником чертила что-то на песке. Потом она подняла глаза, еще раз взглянула на то, что начертила, потом снова посмотрела на меня, как бы желая спросить о чем-то, и вдруг убежала, как дриада перед глупым фавном.

— У нее, должно быть, красивые глаза?

— Как море — и я утонул в них так же, как в море. Поверь мне, Архипелаг¹ далеко не такой лазурный. Тут скоро прибежал маленький Плавций и начал о чем-то расспрашивать. Но я не понял, чего он хочет.

— О Афина! — воскликнул Петроний. — Сними с глаз этого юноши повязку, которую завязал ему Эрот, потому что иначе он разобьет себе голову о колонны храма Венеры! Слушай, ты — весенняя почка на дереве жизни, — обратился он снова к Виницию, — первая зеленая ветка винограда! Вместо того чтобы отправляться в дом Плавциев, нужно было бы отнести тебя к Гелоцию, у которого есть школа для незнающих жизни юношей!

— Чего ты, собственно, хочешь?

— А что она начертила на песке? Не имя ли Амура, не сердце ли, пронзенное стрелой, или что-нибудь в этом роде, из чего ты мог бы понять, что Сатир уже нашептывал на ушко этой нимфе разные тайны жизни? Как можно было не посмотреть на эти знаки!

¹ Так называли Эгейское море.

— Я раньше надел тогу, чем ты думаешь, — сказал Виниций, — и прежде чем прибежал маленький Авл, я очень усердно рассматривал эти знаки. Ведь я же знаю, что и в Греции и в Риме девушки часто чертят на песке признания, которых не хотят выговорить их уста... Ну, угадай, что она начертила!

— Если не то, что я говорил, так не отгадаю.

— Рыбу.

— Как ты сказал?

— Я говорю: рыбу. Означало ли это, что до этой минуты у нее в жилах текла холодная кровь? — не знаю. Но ты, который назвал меня весенней почкой на дереве жизни, наверно, сумеешь лучше разгадать этот знак.

— *Carissime!*¹ Об этом спроси Плиния. Он знаток по части рыб. Если бы старый Апиций был еще жив, может быть, он также мог бы что-нибудь рассказать тебе об этом, потому что в течение своей жизни съел больше рыб, чем может их вместить Неаполитанский залив.

Но дальнейшая беседа прекратилась, потому что они очутились на людной улице, и шум мешал их разговору. Миновав улицу Аполлона, они повернули на Римский форум, где в ясные дни, перед заходом солнца, собирались толпы праздного люда, чтобы погулять между колоннами, рассказать новости и послушать их, посмотреть на знатных людей, которых проносили мимо в носилках, и, наконец, заглянуть в лавки с золотыми вещами, с книгами, в меняльные лавки, посмотреть на материи и бронзовые изделия и всякие другие, которыми полны были дома, обнимающие часть рынка, расположенного напротив Капитолия. Часть Форума, прилегающая к отвесу горы, уже окуталась тенью, но колонны храмов, расположенных выше, блестели на ярком фоне лазури, а нижележащие бросали продолговатые тени на мраморные плиты. Зданий и колонн было так много, что взоры терялись среди них точно в лесу: казалось, им всем было тесно рядом. Одни громоздились над другими, разбегались

¹ Милый мой (*лат.*).

вправо и влево, взбирались на холмы, прижимались к дворцовой стене или друг к другу, наподобие больших и маленьких, толстых и тонких, золотистых и белых стволов, то расцветавших под архитравом цветом аканта, то украшенных ионическим завитком, то заканчивающимися дорическим квадратом. Над этим лесом сверкали цветные триглифы, из-за тимпанов выступали статуи богов с вершин, крылатые золоченые колесницы, казалось, хотели улететь туда, в эту лазурь, которая спокойно охватывала этот огромный город храмов. Посередине рынка и по краям его текла людская река: толпы прохаживались под арками базилики Юлия Цезаря, сидели на ступенях храма Кастора и Поллукса и кружились около маленького храма Весты, напоминая разноцветных мотыльков и жуков, кружащихся на мраморном фоне. Сверху, по широкой лестнице, со стороны храма, посвященного «*Jovi Optimo Maximo*»¹, набежали новые волны. Вблизи роstralной трибуны слушали каких-то ораторов, там и сям слышались выкрики торговцев, продающих плоды, вино или воду, перемешанную с фиговым соком, зазывания обманщиков, продающих чудодейственные лекарства гадалщиков, которые сообщали, где укрыты клады, толкователей снов. Кое-где к общему шуму примешивались звуки систры, египетской самбуки или греческой флейты. В других местах больные, благочестивые или убитые горем люди несли жертвы в храмы. Среди групп людских, в ожидании жертвенного зерна, слетались целыми стаями голуби, издали походя на серые подвижные пятна; они вдруг взлетали, громко хлопая крыльями, потом снова опускались на освободившиеся от людей места. От времени до времени толпа расступалась перед носилками, в которых виднелись красивые женские лица или головы сенаторов и патрициев, с как бы застывшими и окаменевшими чертами лица; разноязычная толпа громко называла их имена, прибавляя к ним прозвища, издевательства или похвалы. Беспорядочную толпу по временам раздвигали мерным шагом отряды солдат или

¹ Юпитеру Наилучшему Величайшему (*лат.*).

стражи, наблюдающих за уличным порядком. Греческий язык слышался так же часто, как и латинский.

Виниций, который давно не был в городе, с любопытством глядел на этот человеческий муравейник и на этот «*Forum Romanum*», который господствовал над людской волной и в данную минуту был залит ею. Петроний как бы угадал мысль своего спутника и назвал форум «гнездом квиритов без квиритов»¹. Действительно, местные жители как бы пропадали в этом сборище всевозможных племен и народов. Тут были и эфиопы, и светловолосые великаны с дальнего севера, британцы, галлы, германцы, косоглазые обитатели Серикума², краснобородые жители Евфрата и Инда с бородами, окрашенными в кирпичный цвет, сирийцы с берегов Оронта с черными ласкающими глазами, высохшие, как кость, жители аравийской пустыни, евреи с запавшей грудью, египтяне с вечной равнодушной улыбкой на лице, нумидийцы, африканцы, греки из Эллады, которые наравне с римлянами господствовали над городом, но завоевавшие его знанием, искусством, умом и плутовством, греки с островов и из Малой Азии и из Египта, Италии и Нарбоннской Галлии. Среди рабов с проколотыми ушами не было недостатка и в свободных праздных людях, которых цезарь забавлял, кормил и даже одевал; немало было здесь и вольных пришельцев, которых привлекала легкость жизни большого города и надежда наживы; тут не было недостатка в купцах и жрецах Сераписа с пальмовыми ветками в руках; тут были и жрецы Изиды, к алтарю которой приносили больше жертв, чем в храм Зевса Капитолийского, жрецы Кибелы, несущие в руках золотистую кукурузу, и жрецы странствующих божеств; танцовщицы восточные, с блестящими головными уборами, и продавцы амулетов, укротители змей, халдейские маги, наконец, люди, не имеющие никаких занятий, которые каждую неделю приходили сюда за хлебом, дрались из-за лотерейных билетов в цирках, проводили ночи в развалившихся домах заречного квартала, а теплые и солнеч-

¹ Квирит — римлянин, полноправный гражданин.

² Серикум — Китай.

ные дни — в крипто-портиках, в грязных трактирах Субурри, на мосту Мильвия, или перед инсулами зажиточных людей, откуда им иногда выбрасывали остатки со стола рабов.

Петрония знали хорошо в этой толпе. До слуха Виниция беспрестанно доносилось: «*Hic est!*» — «это он!» Его любили за щедрость, но популярность его особенно возросла с тех пор, когда узнали, что он перед цезарем ратовал против смертной казни, к которой была приговорена вся «фамилия» префекта Педания Секунда, т.е. все рабы, без различия возраста и пола, за то, что один из них убил в минуту отчаяния этого тирана. Правда, Петроний громко повторял, что ему было, в сущности, совершенно все равно и что он говорил об этом с цезарем в частной беседе, как *arbiter elegantiarum*, эстетическое чувство которого возмущалось против этой варварской резни, достойной каких-нибудь скифов, а не римлян. Тем не менее народ, который возмутился против этой казни, с той поры полюбил Петрония.

Но Петроний не дорожил этим. Он помнил, что народ любил также и Британика, которого Нерон отравил, и Агриппину, которую он приказал казнить, и Октавию, которую задушили в Пандатарии, предварительно вскрыв ей жилы в горячей ванне, и Рубелия Плавта, который был изгнан, и Тразея, который ежедневно ждал смертного приговора. Любовь народа скорее можно было считать дурным предзнаменованием, а Петроний, несмотря на весь свой скептицизм, не был чужд предрассудков. Он пренебрегал толпой вдвойне: как аристократ и как эстетик. Люди, от которых пахло сушеными бобами, носимыми за пазухой, и которые вечно хрипели и потели от игры в мору по перекресткам улиц и в перистилиях, не заслуживали в его глазах названия людей. Не отвечая ни на рукоплескания ни на посылаемые ему воздушные поцелуи, он рассказывал Марку о деле Педания, глумясь над изменчивостью уличной сволочи, которая через день после грозного возмущения рукоплескала Нерону, приехавшему в храм Зевеса Статора. Перед книжной лавкой Авирна он приказал остановиться и, вышедши из носилок, купил разукрашенную рукопись, которую отдал Виницию.